

НАШ СОВРЕМЕНИК

Журнал писателей России

№ 4 2006

Русская мысль

АЛЕКСАНДР РЕПНИКОВ,
кандидат исторических наук

“...СИЛАМ ДОБРА НЕТ ДОСТУПА К ВЛАСТИ”

(Из дневников Льва Тихомирова)*

В последние годы в центре внимания отечественных исследователей оказалась жизнь и судьба Льва Александровича Тихомирова (1852–1923). Его сочинения активно переиздаются и пользуются повышенным спросом; вышло несколько монографических работ и целый ряд интереснейших журнальных публикаций, посвященных Л. А. Тихомирову. Он даже стал одним из героев исторического романа О. Михайлова.

В сложной и противоречивой судьбе Тихомирова в полной мере отразились все те изменения, которые переживала Россия, начиная с эпохи великих реформ и заканчивая становлением большевистского режима. Помочь в понимании душевных метаний Тихомирова могут его записи. Дневники, относящиеся к промежутку времени с 1883 г. по октябрь 1917 г., хранятся в личном фонде Л. А. Тихомирова, который находится в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 634). Всего они составляют 27 единиц хранения. Дневники представляют собой уникальный материал для исследователей. Множество подробностей из жизни их автора, описание его размышлений, обстановки, его окружавшей, — все это позволяет нам увидеть внутренний мир Тихомирова во всей его сложности и противоречивости. Некоторая часть его дневников за 1883–1895 гг. и 1904–1906 гг. публиковалась в конце 20-х — начале 30-х гг.

Л. А. Тихомиров родился 19 (31) января 1852 г. в Геленджике, в семье военного врача Александра Александровича Тихомирова и Христины Николаевны, урожденной Каратаевой, и был третьим сыном в семье. Родословная отца Тихомирова уходила своими корнями в Тульскую губернию. Практически все предки Александра Александровича принадлежали к лицам духовного звания. Получив воспитание в духовной семинарии, Александр Александрович прервал сложившуюся традицию и пошел по медицинской стезе, поступив в Московскую медико-хирургическую академию, которую он окончил с золотой

* Работа над расшифровкой текста дневника, его комментированием и подготовкой к изданию велась в рамках гранта РГНФ 02-01-00365а.

РЕПНИКОВ Александр Витальевич родился в 1973 году в Москве. Окончил Московский педагогический университет. Работает в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), доцент Российской академии театрального искусства (ГИТИС). Печатался в журналах “Наш современник”, “Москва”, “Отечественная история”, “Новая и новейшая история”, “Russian studies in history”, ряде научных сборников. Живет в Москве

медалью. Затем служил в военных госпиталях и после перевода в Геленджик женился на вдове своего товарища С. И. Соколова.

В 1864 г. Лев Александрович поступил в Александровскую гимназию в Керчи. Там он увлекся революционными идеями и впоследствии вспоминал: «Что мир развивается революциями — это было в эпоху моего воспитания аксиомой, это был закон. Нравится он кому-нибудь или нет, она придет в Россию, уже хотя бы по одному тому, что ее еще не было; очевидно, что она должна прийти скоро... революция считалась неизбежной даже теми, кто вовсе ее не хотел». Тихомиров с увлечением читает «Русское слово», а его любимым писателем становится Д. И. Писарев.

Гимназию Тихомиров окончил с золотой медалью и в августе 1870 г. поступил на юридический факультет Московского университета, откуда вскоре перевелся на медицинский факультет. Здесь он с головой погружается в революционную работу, став одним из активных участников народнического движения. Осенью 1871 г. он вошел в кружок «чайковцев». Летом 1873 г. Тихомиров переехал в Петербург, где продолжал заниматься революционно-пропагандистской деятельностью. В ноябре того же года его арестовали. Более 4 лет Тихомиров провел в Петропавловской крепости и доме предварительного заключения и в октябре 1877 г. проходил по знаменитому «процессу 193-х» народников-пропагандистов. Тихомиров, которому годы тюрьмы компенсировали срок наказания, был освобожден в начале 1878 г. Такое наказание показалось революционеру чрезмерным. По его мнению, «мальчик, полный жизни», был наказан «за вздор, за дурацкую брошюру». Вышедший на свободу Тихомиров был отдан под административный надзор полиции с определением обязательного места проживания. «При моей молодости и жажде широкого наблюдения, — вспоминал он впоследствии, — эта мера поразила меня как громовый удар. Мне казалось, что я снова попадаю в нечто вроде недавно оставленной тюрьмы, и я немедленно бежал, без денег, без планов... с этого момента начинается моя нелегальная жизнь...».

Авторитет Тихомирова в революционной среде к тому времени значительно возрос, чему в немалой степени способствовали годы, проведенные в заключении. У него завязывается роман с С. Л. Перовской. Еще когда Тихомиров находился в доме предварительного заключения, Перовская, используя обычную практику революционеров, применяемую ими для связи с находившимися в заключении, представлялась его невестой. Именно Перовская предложила Тихомирову, который был выслан на родину, в Новороссийск, покинуть ссылку и присоединиться к революционерам. Это предложение было «последней каплей, решительным ударом». О степени увлеченности Тихомирова говорит и то, что он даже сообщил родителям о возможной свадьбе, но все получилось иначе: он познакомился с уроженкой г. Орла Екатериной Дмитриевной Сергеевой и летом 1880 г., используя фальшивый паспорт, обвенчался с ней. Отметим, что вопреки неписаной революционной традиции брак Тихомирова был не только официальным, но и закреплялся церковным обрядом венчания, на котором шафером был Н. К. Михайловский. Судьба дала Тихомирову двух сыновей — Николая и Александра, который впоследствии, в 1907 г., примет постриг под именем знаменитого воронежского святителя Тихона; и двух дочерей — Веру и Надежду. Обе дочери родились в 1880 году, но после царевубийства Тихомирову будет суждено не видеть их многие годы.

После раскола «Земли и воли» на «Черный передел» и «Народную волю» Тихомиров примкнул к последней, став членом исполнительного комитета, распорядительной комиссии и редакции «Народной воли». Он успешно справляется со своими задачами, в число которых прежде всего входят пропаганда и агитация. Одним из наиболее известных произведений революционной пропаганды стала написанная Тихомировым «Сказка о четырех братьях», которая, по словам П. А. Кропоткина, «всем очень понравилась». В. Г. Короленко вспоминал, что эта сказка широко использовалась для пропаганды в крестьянской среде и имела там успех. Да и сам Тихомиров считал, что вполне «мог писать для народа».

Но уже в этот период Тихомиров начинает сомневаться в правоте своего дела. На одном из заседаний ИК «Народной воли», проходившем в середине 1880 года, он заявляет о своем желании выйти из революционной организации. А. П. Прибылева-Корба вспоминала, что эта сцена была «в высшей

степени мучительна". Товарищи напомнили Тихомирову о том, что по условиям устава исполнительного комитета о выходе из него не может быть и речи, и единогласно решили дать ему "временный отпуск для поправления здоровья". Арестованный через несколько месяцев после этого заседания А. Д. Михайлов писал из тюрьмы товарищам о необходимости "беречь и ценить" Тихомирова как "лучшую умственную силу" и просил прощения за то, что часто упрекал его в бездействии. Но сам Тихомиров к этому времени уже не был тем Тигричем, которым знали его товарищи. К нему больше подошла другая подпольная кличка — Старик.

После убийства Александра II народолюбцами и разгрома партии, в 1882 г., Тихомиров уехал за границу. Перед этим он направил Александру III открытое письмо исполнительного комитета "Народной воли", в котором было сказано: "... может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу", и далее ставил ультиматум: общая амнистия всем политическим заключенным, созыв представителей от всего народа "для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни" и "переделка их сообразно с народными желаниями". В противном случае "Народная воля" угрожала власти новыми кровавыми акциями. В подпольных типографиях продолжали печатать воззвания к "простым мужикам", разъясняя им суть произошедшего и призывая продолжать борьбу: "От нового царя тоже не дожидаться тебе ничего хорошего!.. Коли хочешь земли да воли, так силой бери".

Вместе с Львом Тихомировым за границу также выехала Екатерина Дмитриевна. Обосновавшись в Париже, Тихомиров продолжал заниматься революционной деятельностью и вместе с П. Л. Лавровым редактировал "Вестник Народной воли" (1883—1886 гг.). В полицейской справке о деятельности Льва Александровича отмечалось: "Прежде всего, Тихомиров приложил все свои силы к поднятию тогда упавшей революционной литературы". В эмиграции во взглядах Тихомирова постепенно начинает нарастать серьезный перелом. Он стал задумываться о пройденном пути, о смысле жизни. И эти размышления были весьма печальными: "Передо мною все чаще является предчувствие, или, правильнее, ощущение конца. Вот, вот конец жизни... Еще немного — и конец, и ничего не сделано, и перед тобой нирвана. И сгнуть в бессмысленном изгнании, когда чувствуешь себя так глубоко русским, когда ценишь Россию даже в ее слабостях, когда видишь, что ее слабости вовсе не унижительны, а сила так величественна". Тяжкие думы усугублялись постоянным безденежьем, порождающим ссоры между супругами, и болезнью сына (менингит). Немало нервов испортил Тихомирову заведующий русской полицейской агентурой в Париже П. И. Рачковский, следивший за каждым его шагом.

Пытаясь найти ответ на мучившие его вопросы, Тихомиров обратился к Библии. Все чаще и чаще книга открывалась на фразе "И избавил его от всех скорбей его и даровал мудрость ему и благоволение царя египетского фараона..." (Деян. 7:10). Пытавшегося вникнуть в смысл написанного Тихомирова неожиданно озарило: "Да не государь ли это? Не на Россию ли мне Бог указывает?". Он начинает ходить в церковь, часто берет туда сына, которому рассказывает о Боге и России. Постепенно Тихомиров все больше и больше начинал верить в то, что он сам имеет "некоторую миссию". Так происходило его внутреннее перерождение. Предпосылки к этому уже имелись. "Строго говоря, я не был вполне безбожником никогда, — вспоминал Тихомиров. — Один раз во всю жизнь я написал: "Мы не верим больше в руку Божью", и эта фраза меня смущала и вспоминалась мне как ложь и как нечто нехорошее".

В 1888 г. в Париже небольшим тиражом вышла брошюра Тихомирова "Почему я перестал быть революционером", которая окончательно подвела черту под его революционным прошлым. 12 сентября 1888 г. Тихомиров подал Александру III прошение с просьбой о помиловании. Тихомиров писал о своем нелегком пути от революционного радикализма к монархизму, о том, что своими глазами увидел, "как невероятно трудно восстановить или воссоздать государственную власть, однажды потрясенную и попавшую в руки честолюбцев", о своем раскаянии; просил "отпустить... бесчисленные вины и позволить... возвратиться в отечество". Посылая товарищу министра внутренних дел В. К. Плеве вместе с прошением о возвращении в Россию свою брошюру "Почему я перестал быть революционером", Тихомиров

признавался: "Если мы отбросим все наговоры и неточности, остается все-таки факт, что в течение многих лет я был одним из главных вожаков революционной партии и за эти годы, — сознаюсь откровенно, — сделал для ниспровержения существующего правительственного строя все, что только было в моих силах". В брошюре Тихомиров писал о безнравственности революционного пути, противопоставляя ему путь эволюционный. Брошюра вызвала полемику не только в среде эмигрантов, но и в самой России. "Во всех местах теперь галдят о Тихомирове..." — сообщал в начале сентября 1888 г. Г. И. Успенский В. М. Соболевскому.

Со старой жизнью Тихомиров решительно порвал, но какова будет новая, еще не знал. В этот период ему нужен был надежный и влиятельный советчик. Таким человеком стала Ольга Алексеевна Новикова. Родившаяся в 1840 г. в семье известных славянофилов Киреевых, она была умной и незаурядной женщиной, сотрудничала в "Московских ведомостях" и "Русском обозрении". Среди ее знакомых были Т. Карлейль, М. Нордау, М. Н. Катков, А. С. Суворин, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев и др. Помимо чисто дружеского интереса к Новиковой Тихомиров стремился, пользуясь ее связями в высших кругах, убедить власти в искренности своего раскаяния и заинтересовать их возможностью сотрудничества. Немаловажно и то, что она помогала Тихомирову деньгами. Отметим, что Новикова была одной из трех женщин (включая С. Л. Перовскую и Е. Д. Сергееву), сыгравших особую роль в судьбе Тихомирова.

Выдержки из писем Тихомирова к О. А. Новиковой хорошо показывают происходившие с ним мировоззренческие метаморфозы. 26 октября 1888 г. Тихомиров сообщает о том, что подал государю прошение о помиловании. "Быть или не быть в России — для меня вопрос жизни и смерти". Характерно, что Тихомиров пытается идентифицировать себя с традиционалистскими течениями русской общественной мысли, определить свое место в новой идеологической системе. В том же письме он пишет: "У меня давно явилось убеждение в безусловной справедливости некоторых основ славянофильства. Точно так же напр[имер] Катков меня поражал своими глубокими суждениями, еще когда я был революционером", — и продолжает, — "... я без сомнения близок к славянофильству, но все-таки не могу себя зачислить совершенно ни в какое отделение, есть вещи, на которые Аксаков не обращал внимания (тем более Хомяков) и которые очень важны...". При этом к интеллигенции Тихомиров в письмах себя никогда не относит и часто критически отзывается об образованном классе России. Так, 28 октября 1888 г. он писал Новиковой: "... В России, я боюсь, большинство образованного класса именно одурочены собственным дурманом... — и делал вывод: — ... нужно обрусить образованный класс...".

16 ноября 1888 г. Тихомиров сообщает о своем визите в консульство, где ему объяснили форму подачи прошения на высочайшее имя. Он еще раз стремится оправдаться и пытается отделить себя от террористов: "... Полиция уверена, что я главный организатор злодейства 1 марта 81 г. Я же на самом деле в это время уже давно не состоял в Управлении Народной Воли, о готовящемся преступлении знал в общих чертах...". С одной стороны, Тихомиров делал ставку на правительственные круги, и не последнюю роль здесь играла связь О. А. Новиковой с этими кругами. С другой стороны, надеялся на помощь таких же "раскаявшихся революционеров". 22 ноября 1888 г. Тихомиров уже строил планы на будущее: "... Я даже попробую (если Бог даст и Государь позволит) поискать людей среди ссыльных и т. п. — лучших, умнейших, и мне все сдается, что это возможно". В этом же письме он выделяет молодежь в качестве идеальной среды для распространения своих идей, отмечая, что большая ошибка славянофилов и "людей национальной интеллигенции" состояла в том, что они "пренебрегают молодежью". Поскольку Тихомиров, не довольствуясь только прощением, претендовал еще и на роль идеолога, его положение было весьма двусмысленным. Признанные авторитеты консервативного лагеря с опаской отнеслись к новоявленному пророку. Е. Д. Тихомирова, поддерживавшая отношения с Новиковой, жаловалась ей по поводу нападок на мужа: "Есть много людей также, которые против него, говорят, что чистое дело требует чистых рук, чтобы очистить себя, он должен выдавать и должен быть наказан".

Наконец Тихомиров узнает о положительной реакции государя на посланную ему брошюру "Почему я перестал быть революционером". Его радость безмерна. 27 ноября 1888 г. он пишет Новиковой: "Если Государь и читал

с одобрением брошюру, и милостиво отнесся к докладу — то, очевидно, остаётся только кричать — ура!” — и далее продолжает на такой же патетической ноте: “Я даже не представляю еще реально, ясно, что вдруг — я опять стану русским, не отверженцем и не отщепенцем. Это слишком большое счастье, чтобы его можно было представить после стольких лет скитаний — телом и душой!”. Следя за оценками своего поступка со стороны бывших друзей и врагов, Тихомиров резко отмечает трактовку его действий как поступка психически неуравновешенной личности. В письме от 2 декабря 1888 г. он отмечал, что проникся революционными идеями не из-за каких-то психологических особенностей его личности, а потому что был охвачен этой “общественной заразой”, и отказался от этого пути опять-таки не из-за каких-то психологических особенностей, свойственных только ему, а потому что понял всю ложность революции “... с точки зрения Российской национальной психологии, и только тогда я в своих глазах стал преступником и признал своей обязанностью покаяться и совершенно изменить деятельность”. В этом же письме он опять рассуждал об ответственности интеллигенции. “Вообще — повторяю — общество должно понять свою долю вины и свою обязанность исправить ее. Только тогда Россия выздоровеет (т. е. Россия интеллигентная)”. Далее он продолжал: “Я уже несколько раз слышу... что я говорю вещи известные. Ах, боюсь, что это не достаточно известно! Неужто в России уже исчезло космополитическо-либеральное направление? Я что-то не слышал. Я что-то не видел дельных ответов Соловьеву, который проделал в наше время совершенно чаадаевскую штучку. Я не вижу, чтобы русская интеллигенция достаточно энергично поддерживала разные добрые национальные начинания. Я не вижу в нынешней литературе большой работы национальной мысли, не вижу ни Аксаковых, ни Данилевского, ни Каткова, ни даже хоть бы Аполлона Григорьева...”. И далее, объявляя борьбу радикалам, Тихомиров уже пророчит грядущие потрясения: “Прибавлю, между прочим, что не следует особенно успокаиваться на уничтожении револ[юционнo] движения. Да, благодаря Богу и страшной ценой кровавого безумия, почти беспримерного в истории — оно ошеломлено. Но надолго ли? Если мы все, т. е. Россия образованная, будем энергично работать над выработкой своего национального мировоззрения, конечно можно верить, что старое безумие постепенно (?) замрет окончательно”. 11 декабря 1888 г. в 4 часа утра, вернувшись из посольства, Тихомиров пишет: “Самое главное: Государь меня простил — совершенно, лишь с отдачей под надзор на пять лет. У меня до сих пор голова не на месте. Да, Ольга Алексеевна — совершенно простил, и я теперь легальный человек, после 10 лет нелегалщины, русский подданный!”. Затем Новиковой посылается телеграмма с одним словом: “amnistic” (амнистия). Следующее письмо от 12 декабря написано на высокой эмоциональной ноте и полно благодарностей российскому императору. Далее переписка посвящена предстоящему приезду в Россию.

После прибытия в Россию, побыв недолго в Петербурге, Тихомиров был вынужден обосноваться в Новороссийске, надеясь, что правительство в скором времени убедится в его благонадежности и снимет с него надзор. При этом Тихомиров просто рассыпается в благодарностях Министерству внутренних дел: “Надеюсь, что поведение мое, во время этого надзора, докажет Министерству, что я — не только вообще человек благонамеренный, но и в частностях своего отношения к современным задачам и деятельности Правительства составляю элемент безвредный или до известной степени — конечно в пределах своих сил — полезный”. В Новороссийске Тихомиров проводит время в работе над статьями, читая церковные книги и общаясь с родными. Его особенно радовало то, что дочери, воспитанные матерью Тихомирова, ходили в церковь. Вскоре был крещен сын Тихомирова Саша, крестной матерью которого стала О. А. Новикова. Помимо обязательств перед своими близкими у Тихомирова были обязательства перед правительством. Он жаждет работать, хочет оправдать доверие властей, но не может развернуться в полную силу, находясь под надзором. 20 марта 1889 г. он сетует на обстоятельства в письме О. А. Новиковой: “На евреев и поляков конечно, действовать нравственно — почти невозможно. Но на русских — да. Только действовать нужно систематически, повторять, с разных концов, с разных точек зрения, и особенно мелкими вещами — легко читаемыми, брошюрами, статьями. А их почти нет”. Тихомиров досадует, что сам действовать

не может, так как находится под надзором: “У меня от этого сердце кипит, но что делать? Кроме порчи крови все-таки нет других результатов. А действовать нужно!”. От бездействия он порой впадает в отчаяние. В сентябре 1889 г. Тихомиров писал в дневнике: “Я уже знаю, что сделать в общественном смысле мне ничего не удастся. Я уже понял, что Россия, при всей своей глупости, во мне все-таки не нуждается. Я понял, что мне нужно думать о себе, о своей душе, а затем исполнять текущие маленькие обязанности, которые еле-еле по силам мне, не мечтая о крупных”.

Министр внутренних дел П. Н. Дурново в июне 1890 г. ходатайствовал перед царем об “облегчении участи Тихомирова”. Учитывая заслуги Тихомирова на новом поприще, а также принимая во внимание, что, состоя под гласным надзором полиции в Новороссийске, он фактически отрезан от столичной прессы и не может серьезно заниматься публицистикой, правительство приняло решение освободить Тихомирова от гласного надзора и разрешить ему “повсеместное в империи жительство”. В сентябре 1890 г. он перебрался в Москву. Начинается период сотрудничества с газетой “Московские ведомости”.

Другим близким другом Тихомирова, с которым он спешил поделиться своими идеями, становится известный философ и публицист Константин Николаевич Леонтьев. В письмах Тихомиров подробно обсуждал необходимость “миссионерской деятельности среди молодежи: “Я думал, думаю и буду думать, что нам, православным — нужна устная проповедь. Или лучше — миссионерство. Нужно миссионерство систематическое, каким-нибудь обществом, кружком. Нужно заставить слушать, заставить читать. Нужно искать, идти на встречу, идти туда, где вас даже не хотят. И притом... важно не вообще образованное общество, важна молодежь, еще честная, еще способная к самоотвержению, еще способная думать о душе, когда узнает, что у ней есть душа. Нужно идти с проповедью в те самые слои, откуда вербуются революционеры”. Роль своеобразного вождя отводилась Леонтьеву: “С Вами, под Вашим влиянием или руководством пойдет, не обижаясь, каждый, так как каждый найдет естественным, что первая роль принадлежит именно Вам, а не ему. Наоборот, если... взять меня, то никто, во-первых, не обратит внимания на мои слова, а если ж — паче чаяния — я бы и имел успех — это самое и оттолкнуло бы многих. Ведь люди все такие свиньи, с этим нужно считаться. А то, знаете, от этих писаний (имеется в виду публицистическая деятельность. — А. Р.) польза очень минимальная. Никто все равно не читает. Да еще хорошо Вам, по крайней мере пишете что хотите. А мне, например, даже и развернуться нельзя. Везде свои рамки, и как дошел до этой рамки, стукнулся и молчи. Какая же это работа мысли?”. К сожалению, дружеским отношениям двух мыслителей был отмерен короткий срок. Ни один из задуманных совместных проектов так и не был осуществлен. Последний месяц их общения был посвящен заботе о “духовных запросах” Тихомирова, а в ноябре 1891 года К. Н. Леонтьева не стало. Узнав о кончине своего друга и единомышленника, Тихомиров записал в дневнике: “У меня еще не умирало человека так близкого мне не внешне, а по моей привязанности к нему. Судьба! Мне должно быть одиноким, по-видимому. Он мне был еще очень нужен. Только на днях предложил учить меня, быть моим катехизатором. И вот — умер... Меня эта смерть гнетет. Так и хочется написать ему: “Константин Николаевич, неужели вы серьезно таки умерли?... Тоска ужасная”.

18 ноября того же года Тихомиров писал Новиковой: “У меня и еще неприятность: смерть К. Н. Леонтьева, с которым я последнее время сошелся очень сердечно”. 11 января 1892 г. он еще раз вспомнил о Леонтьеве: “Не поверите, какую пустоту я чувствую по смерти Леонтьева. Это был здесь единственный человек, с которым я почти уже столкнулся, чтобы что-нибудь делать. Все мои люди умирают: Толстой, на которого я рассчитывал, Пазухин, который на меня рассчитывал, наконец, Леонтьев”.

Тихомирову предстояло испытать еще много потерь и дожить до полного крушения самодержавной России, служению которой он отдал годы своей жизни. Словно предчувствуя это, 11 октября 1894 г. он записал в дневнике: “Бедная Россия! И какие потери. Все, что ни есть крепкого или подававшего надежды — все перемерло: Катков, Д. Толстой, Пазухин, К. Леонтьев, П. Астафьев. Ничего кругом: ни талантов, ни вожаков, ни единой личности, о которой бы сказал себе: вот центр сплочения. А остатки прошлого, либерально-

революционного, пережили 13 лет, тихо и без успехов, но в строжайшей замкнутости и дисциплине сохранили все позиции, сохранили даже людей, фирмы, знамена, около которых завтра же могут сплотиться целые армии”.

Со временем Тихомиров становится одним из ведущих публицистов монархического лагеря, а с 1909 по 1913 г. возглавляет “Московские ведомости”. Он также активно публикуется в журнале “Русское обозрение”, в котором сотрудничали такие консерваторы, как А. А. Александров, П. Е. Астафьев, В. А. Грингмут, С. А. Рачинский и др. Но работа его не радовала. 6 октября 1893 г. он делился с О. А. Новиковой: “Я — как всегда — пишу, пишу и пишу... Хоть бы под конец жизни заняться серьезным трудом, а то все силы уходят на мелочную дрянь”. Силы отнимает поденная работа, в газете — интриги, зависть, борьба самолюбий, каждый мнит себя гением и “нет ни одного человека, который бы сколько-нибудь радовал”. Ко всему прочему постоянные болезни и несчастья. В январе 1897 года последует недвусмысленная запись в дневнике: “Мне кажется, что вообще моя писательская судьба будет служить упреком современной России: не умела она мною воспользоваться. Ослиное общество во всяком случае...”. Неоднократно в письмах и дневниках Тихомирова повторялась мысль о том, что власть сама виновата в своих бедах, поскольку не поддерживает инициативы способных и преданных ей людей, а все влиятельные посты заменяются людьми “вредными или глупыми”.

У многих публицистов консервативного лагеря карьера Тихомирова вызывала зависть — вчерашний изгой, гонимый революционер, вдруг занимает пост редактора крупнейшей монархической газеты. Те, кто завидовал Тихомирову, не знали о его сомнениях, скрытых от посторонних глаз. Хотя Тихомиров и сумел завоевать доверие правительств, он не был доволен жизнью. Две проблемы, занимавшие его долгие годы, в полной мере нашли свое отражение в дневнике. С одной стороны, он должен был обеспечивать семью, с другой — мучился от невозможности занять то положение в обществе, которое, как он считал, принадлежало ему по заслугам.

Вечная погоня за деньгами — вот тяжкий удел Тихомирова. 28 марта 1889 года он записывает: “Гроша нет буквально... неудачная жизнь, неудачный человек! Смертный грех — отчаянье, ходит кругом меня, пронизывает меня неверием в себя, в будущее, в свое призвание. Чувствую, что это низко, недостойно, и не могу оживить себя. А мне 38 лет. Конец яснее и яснее вырисовывается там, с краю, к которому я уже ближе, чем к началу. Неужто все мечты, все иллюзии, все персть, все тлен, все осень? Кто поможет? Боже мой, где ты, дай мне ощутить себя!”. В июне 1896 года он записал: “В какой-нибудь поганой республике, в Париже, если дадут орден Почетного легиона лавочникам, то дадут и писателям. У нас же... будь ты хоть великим публицистом — хоть заслужи царю, как никто, — все останешься вне государства, вне его внимания. Это очень обидно, и не за себя, а за государство”.

Как и многие консерваторы, Тихомиров чувствовал необходимость иметь влиятельного покровителя. В 1889 году он записал в дневнике: “Я не деловой человек, в делах денежных и вообще материальных чувствую себя детски-беспомощным, и когда они плохо идут, я впадаю в уныние”. Отсутствие деловой хватки — характерная черта многих русских консерваторов. Их патерналистские чаяния часто переносились и на личную жизнь. В отличие от своих предшественников — славянофилов и охранителей — они не имели никаких доходов с поместий, а в отличие от своих либеральных современников — не могли вписаться в менявшиеся экономические отношения. Заботой Тихомирова становятся поиски постоянного и стабильного заработка. Он давно мечтал о службе. “Мне нужно служить... Да не будь я — я, не компрометируй меня служба в полиции — я бы м[ожет] б[ыть] предпочел полицию многим пунктам наблюдения. Но мне это не годится”, — писал он О. А. Новиковой еще в феврале 1890 г. В 1906 г. Тихомиров жаловался А. С. Суворину: “Смертельно надоело писать. Зачем мне Господь не даст канцелярского места: это мечта моя. Но, как все идеалы, остается неосуществимой”. Этим мечтам соответствует и запись в дневнике: “Мне бы лучшее лекарство было — иметь какую-нибудь верную пенсию”.

Возвращение Тихомирова в Россию и его становление как монархического публициста пришлось на период правления Александра III. Не случайно именно этого монарха бывший народник, некогда грозивший самодержцу, считал воплощением национального правителя. Тихомиров писал: “Импера-

тор Александр III был не только выразителем идеи. Он был истинный подвижник, носитель идеала... В последние годы своей недолгой жизни он победил все и всех. Весь мир признал его величайшим монархом своего времени. Все народы с доверием смотрели на гегемонию, которая столь очевидно принадлежала ему по праву, что не возбуждала ни в ком даже зависти”.

Публикация Л. А. Тихомирова об Александре III “Носитель идеала” вызвала реакцию в кругах, близких к правительственным. А. А. Киреев писал Тихомирову о том, что “ее прочел государь и очень умилился, у него навернулись слезы” Не менее прочувствованными были и остальные отзывы. “Пришел я к гр. Аркадию Аркадьевичу Кутузову — все семейство встречает меня вопросом: читали вы статью Тихомирова в Моск[овских] Ведомостях “Носитель идеала”?.. — писал А. Н. Майков 3 ноября 1894 года Л. А. Тихомирову, и далее предлагал: — ...надобно, чтобы ее прочли **все** — номер газеты пропадет, надобно ее напечатать особой брошюрой... надобно, чтобы идея эта вошла в общее сознание...”. Смерть Александра III стала для Л. А. Тихомирова личной трагедией. 11 октября 1894 г. он записывал в дневнике: “... В какую переломную, ни на чем не утвердившуюся минуту отнимает у нас Господь эту твердую руку. За 13 лет все успокоилось, т. е. затихло, все прониклось доверием к прочности существующего порядка... В таком спокойствии за последние 5—6 лет начинало уже кое-что и расти, но это самые ничтожные ростки. Уничтожить их легко... Теперь все зависит от наследника. Положит ему Бог взять верный тон — может все хорошо сложиться”.

На протяжении долгих лет работы на публицистическом поприще Тихомиров пытался достучаться до сознания “образованного меньшинства”. Он, знавший жизнь и “верхов” и “низов”, считал, что “человек нашей интеллигенции формирует свой ум преимущественно по иностранным книгам. Он, таким образом, создает себе мировоззрение чисто дедуктивное, построение чисто логическое, где все очень стройно, кроме основания — совершенно слабого”. В оторванности от народа он видел источник постоянного интеллигентского стремления к поучительству; “указывать на чтение книг как на средство *выработки миросозерцания* вообще можно, лишь не имея понятия о том, что такое есть живое человеческое миросозерцание, которое складывается прежде всего под влиянием *личной жизни*, а никак не книжек”. На протяжении долгих лет Тихомиров пишет об узком классовом духе интеллигенции, о ее замкнутости и изолированности. Вместе с тем Тихомиров отнюдь не был противником образования: “России был и остается нужен образованный человек, — писал он, — нужен был, нужен и теперь *подвижник правды*. Но это ничуть не значит, чтобы ей нужен был “интеллигент”, со всеми его претензиями на господство в дезорганизованной им же стране”.

Многим русским консерваторам начала XX века удалось отметить негативные стороны либеральной системы. Не было исключением и Тихомиров. “Партийные вожаки, — писал он, — получают значение каких-то своеобразных владетельных князьков или, точнее, олигархов. Главное *официальное* правительство страны ничто в сравнении с этими негласными владыками, создающими и ниспровергающими правительства *официальные*”. Однако при всем кажущемся могуществе демократия порождает крайне неавторитетный слой управленцев: “Патрициев, дворян служилых массы иногда ненавидели, но уважали и боялись. Современных политиков — просто презирают повсюду, где демократический строй сколько-нибудь укрепился”, поскольку правящий класс “вечно занят борьбой за власть, постоянно принужден думать о том, как захватить народ, сорвать его голоса, правдами-неправдами притащить его к себе, а не самому прийти к нему... Нет класса, живущего более *вне народа*, чем нынешние политиканы”. Апофеозом обмана и игры на низменных чувствах являются выборы, когда побеждают не столько самые лучшие, сколько самые беспринципные. “По части искусства одурачивать толпу, льстить ей, угрожать, увлекать ее — по части этого гибельного, ядовитого искусства агитации люди дела *всегда* будут побиты теми, кто специально посвятил себя политиканству”. Парламентаризм будет существовать до тех пор, “пока наконец не исчезнет под напором не общего презрения, давно уже достигшего полной степени зрелости, а движения, до сих пор оказывающегося невозможным по отсутствию личности, около которой могло бы оно сомкнуться”. Под этим движением Тихомиров понимал социализм.

Публикуя в 1884 году в “Вестнике Народной Воли” статью “Чего нам ждать

от революции?”, Тихомиров доказывал, что абсурдно “толковать о деспотизме коммунистического правительства. Правительство, народом выбираемое, контролируемое и сменяемое, не может насильно навязывать народу благоденствия социализма или коммунизма”. Став монархистом, Тихомиров принял доказывать нечто противоположное. Так, в работе “Социальные миражи современности” (1891), прогнозируя возможность практического воплощения в жизнь социалистической идеи, он стремился доказать, что новое общество обязательно будет построено на подавлении личности во имя государственных интересов: “Власть нового государства над личностью будет по необходимости огромна. Водворяется новый строй (если это случится) путем железной *классовой* диктатуры. Социал-демократы сами говорят, что придется пережить период диктатуры рабочего класса”. В своей работе Тихомиров указывал, что именно социал-демократическая партия имеет все шансы на установление в будущей России социалистического строя. И в этом он оказался прав.

Характерно, что Тихомиров пытался показать наличие в социализме положительных сторон, признавая благородное стремление утопического социализма к устройству более развитого общества. “Мы видим в рядах первых социалистов множество людей действительно высокой нравственности... В утопическом же социализме родилось первое стремление к уяснению внутренних законов общественности”, — писал он. В качестве неоспоримых заслуг социалистического учения Тихомиров выделял следующие: усиление коллективного начала; усиление общественной помощи личности; более справедливое и равномерное распределение. С точки зрения Тихомирова, социализм вовсе не был явлением, возникшим неведомо откуда. Именно усиленная эксплуатация в капиталистическом обществе “своими недостатками и злоупотреблениями создала социализм, который выдвинул много справедливого как протест против буржуазного общества...”. Тихомиров признавал закономерность возникновения социализма как протеста против безжалостной эксплуатации, считая, что “на почве крайней бедности и — слишком часто — прямого притеснения неизбежно должны были возникнуть революционные движения народных масс, в теории объявленных властями государства, а на практике сплошь и рядом чувствовавших себя рабами”. Он отмечал, что, прикрываясь на словах рассуждениями о свободе и равенстве, буржуазное общество на практике привело к господству капиталиста над пролетарием, лишенным многих элементарных прав. В социалистическом учении он видел не только чисто экономическую подоплеку, но и стихийный протест масс против обнищания, законное желание людей улучшить свою жизнь. Не случайно Тихомиров считал, что государство обязано проявлять заботу о своих гражданах. Тихомиров задавался вопросом: “... Каково положение человека, которого заработок если и позволяет жить кое-как, однако не дает никакого обеспечения? Потерял работу — и сразу очутился в положении бродячей уличной собаки, если не в худшем”, и считал, что социализм “... совершенно прав, взывая в этом случае не к простой филантропии, а утверждая, что общество *обязано* принять меры к изменению такого положения”. Новое социалистическое общество, по мнению Тихомирова, “будет держаться известной иерархией авторитетов, известной системой власти, которая точно так же силой, *принуждением* поддержит необходимые материальные и нравственные основы, а за нарушение принятых правил порядка и собственности будет так же карать, как ныне, — с той разницей, что все это будет *строже*, ибо если с нашей нынешней рыхлостью можно догнывать свой век, то с ней никак нельзя ничего основать, так что строители нового общества непременно должны будут его “пасти жезлом железным”, особенно на первых порах”.

Не менее резко, чем либералов и социалистов, Тихомиров критиковал и царскую бюрократию. Особенно раздражал Тихомирова безликий и бездуховный казенный патриотизм: “Чем больше я изучаю и ближе наблюдаю наши общественные и правящие круги и администрацию, тем более убеждаюсь в их политической малосознательности, а отсюда происходит своеобразность буффонадного патриотизма — у одних и отсутствие его — у большинства, хотя и мыслящих себя монархистами... Наши правящие круги и все вообще застряли на начатках своей политической веры. Спросите самого правоверного монархиста: почему он монархист и в чем его политическая вера?”

Кроме стереотипных славянских лозунгов "за Самодержавие, Православие и русскую народность", он ничего другого не сумеет сказать, определить и доказать". Изюм дня в день в душе одного из крупнейших идеологов монархизма назревало сомнение в дальнейших перспективах существования самодержавной России. Это сомнение иногда прорывалось на страницах писем и дневников, не предназначенных для широкого круга людей. Прощенный и вернувшийся на родину, начиная борьбу с радикалами, он уже сомневался в исходе этой борьбы. Последнее представляется наиболее важным и объясняет ту раздвоенность, которая будет постоянно присутствовать в душе Тихомирова и в итоге приведет его к отходу от публицистической деятельности. Его колебания не оставались незамеченными. Литературный критик А. Л. Волынский отмечал, что в публицистике Тихомирова нет "твердого внутреннего убеждения и психологической цельности". С одной стороны, являясь одним из монархических идеологов, он не должен был сомневаться в неизбежном поражении социализма, с другой стороны, он не мог не видеть, что самодержавный режим приближается к роковой черте. 11 февраля 1905 г. он писал в дневнике: "Нет ничего гнуснее вида нынешнего начальства — решительно везде. В администрации, в церкви, в университетах... И глупы, и подло трусливы, и ни искры чувства долга. Я уверен, что большинство этой сволочи раболепно служило бы и туркам, и японцам, если бы они завоевали Россию". Характерна и запись, сделанная в дневнике 20 мая 1905 г. после Цусимского сражения: "Дело не в гибели флота... но ведь и вообще все гибнет. Уж какая ни есть дрянь Россия, а все-таки надо ей жить на свете. Ах, как мне жаль этого несчастного царя! Какая-то испугительная жертва за грехи поколений. Но Россия не может не желать жить, а ей грозит гибель, она прямо находится в гибели, и царь бессилен ее спасти, бессилен делать то, что могло бы спасти его и Россию! Что ни сделает, губит и ее и его самого. И что мы, простые русские, как я, например, можем сделать? Ничего ровно. Сиди и жди, пока погибнешь!". На страницах дневников и писем Тихомирова можно найти десятки подобных высказываний: "Правительство так мерзко... что ничего хуже не может быть"; "церковь разлагается"; бюрократия "съела царя", а на престол после Александра III взшел "русский интеллигент... прекраснородушного типа, абсолютно не понимающего действительных законов жизни". На политическом Олимпе Тихомиров видел только посредственности: Витте — "гнусный сифилитик", Плеве — "глубокий, до мозга костей, бюрократ" и т. д. Тихомиров уже не верит в правительство и призывает к "хождению в народ" с консервативными идеями.

28 февраля 1907 г. Л. А. Тихомиров записывает в дневник: "Господь нас покинул на произвол адским силам. Никогда я не думал, чтобы у русских было так мало самостоятельного нравственного чувства. Значит, только и держались "корсетом" насилия... Боже, как мы ужасны, как мы безвыходно несчастны! Неужели еще не наступила минута сжалиться над этими жалкими, бедными созданиями, неспособными сохранить лик человеческий без высшей помощи? Израиль древний был наказуем внешне: истребили, разогнали, пленили. Мы в тысячу раз несчастнее: мы внутренне пали. Мы, как Навуходоносор, превратились в животных... Но когда же взглянем на небо?". Разочарование во власти и ее возможности усовершенствовать существующую систему стало общим местом в рассуждениях практически всех серьезных консервативных мыслителей начала века.

Бывшая соратница Тихомирова, А. П. Прибылева-Корба, обратившись к его судьбе после перехода в монархический лагерь, грустно замечала: "Разумеется, ему разрешили вернуться в Россию, но держали его в черном теле. Мечта Тихомирова о том, что ему предстоит большая роль в исторической судьбе России, была плодом его большого ума. Далее сотрудничества, а позднее редактора бессмысленных "Московских ведомостей", ему не было хода. Он писал бездарнейшие статьи, их печатали, и этот полнейший упадок литературного таланта Тихомирова является верным доказательством его психического недуга". Конечно, говорить о "психическом недуге" несправедливо, но нельзя отрицать глубочайшего пессимистического мировосприятия, присущего Тихомирову. Огромная нагрузка отразилась и на его поведении. "Никогда, например, не видели его веселым, смеющимся, беззаботным... Волосы упрямо торчали, брови хмуро сдвигались, со лба и лица не сходили борозды напряженных дум и тяжелых переживаний... Он производил

впечатление человека, ежечасно, ежеминутно боящегося и ожидающего какого-то безвестного и тайного удара”, — писал знавший Тихомирова историк В. А. Маевский.

Наиболее фундаментальной работой, написанной Тихомировым, стало историко-философское исследование “Монархическая государственность”, которое выходило летом-осенью 1905 г. Несколько экземпляров книги были “именными”. Один был передан Николаю. В феврале 1906 г. в знак признания важности этого труда Тихомиров по высочайшему повелению был удостоен серебряной чернильницы “Empire” с изображением государственного герба, выполненной фирмой Фаберже. Получив подарок, он воспринял его как “нравственное одобрение” его трудов. На широкий успех книги Тихомиров особенно не надеялся. “Обидно, что моя “Монархическая государственность” не читается. Время придет, конечно, но тогда, пожалуй, нужно будет строить монархию заново, а это трудно”, — писал он 18 августа 1906 г. А. С. Суворину. В этой работе Тихомиров смог дать целостную картину истории монархической власти не только в общероссийском, но и в мировом масштабе. Характерно, что эта книга оказалась слишком “заумной” для правых, и в 1911 г. протоиерей Иоанн Восторгов подготовил на ее основе краткое общедоступное изложение основных идей в форме вопросов и ответов. Всего книга выдержала пять изданий. Второе и третье вышли при содействии эмигрантов-монархистов в Мюнхене (1923 г.) и Буэнос-Айресе (1968 г.), четвертое и пятое — в Санкт-Петербурге (1992) и Москве (1998). Рамки данной публикации не позволяют подробно остановиться на изложении этой работы. Помимо “Монархической государственности” к числу наиболее значимых работ Тихомирова можно отнести “Начала и концы. Либералы и террористы” (1890), “Социальные миражи современности” (1891), “Борьба века” (1895), “Знамение времени — носитель идеала” (1895), “Едиличная власть как принцип государственного строения” (1897), сборник статей 1909—1911 гг. “К реформе обновленной России” (1912).

Определенные надежды Тихомирова на перемены были связаны с деятельностью П. А. Столыпина. Именно Столыпин пригласил Л. А. Тихомирова в советники, предоставив ему должность в Совете Главного управления по делам печати. Лев Александрович написал ряд записок премьеру, выступив в качестве консультанта по рабочему вопросу, и в частности подготовил для премьера “Доклад относительно заявления о запросе по поводу преследования профессиональных союзов рабочих”. Тихомиров считал, что рабочие организации надо не преследовать, а использовать на благо государству. “В политике и общественной жизни — все опасно, как и вообще все в человеческой жизни может быть опасно. Понятно, что бывает и может быть опасна и рабочая организация. Но разве не опасны были организации дворянская, крестьянская и всякие другие?.. Вопрос об опасности организации для меня ничего не решает. Вопрос может быть лишь в том: вызывается ли организация потребностями жизни? Если да, то значит ее нужно вести, так как если ее не будут вести власть и закон, то поведут другие — противники власти и закона... наше государство в настоящее время должно ввести в круг своей мысли и заботы — организацию рабочих”, — писал Тихомиров Столыпину 31 октября 1907 г. Тихомиров отмечал особую специфику российского пролетариата. Русские рабочие, еще вчера “пришлые из деревни”, не могут за короткий срок перестроить свое сознание, и им, оторванным от почвы, нужно помочь. Оказать необходимую помощь должно государство. Тихомиров предлагал установить гармонию сельского хозяйства и промышленности, исключавшую преобладание “фабрики” над “землей”. Он понимал абсурдность попыток торможения промышленного развития и видел выход в единении “города” и “деревни”. Рабочие союзы должны были не противопоставлять пролетариат и крестьянство, а наоборот, базироваться на основе общих принципов.

5 июля 1911 г. Тихомиров обратился со страниц “Московских ведомостей” к Столыпину с письмом, в котором призывал его пересмотреть Основные законы 1906 г. После убийства П. А. Столыпина его брат, А. А. Столыпин, опубликовал текст пометки, сделанной Петром Аркадьевичем на тихомировском письме: “Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались все злостной провокацией и началом новой революции”.

В октябре 1911 г. Тихомиров отметил в частном письме, что одной из причин неудач деятельности Столыпина явилось то, что он абсолютно “не думал, что всякая путная деятельность должна быть проникнута христианским

настроением". В октябре 1912 г. Тихомиров записал в дневнике: "... Недаром Столыпина убили. Он хотя и конституционалист, но человек "прусского образца" и по энергии [характера] не дал бы Монарха в обиду. А теперь — люди! ... и, вероятно, куча прямых предателей. В народе же даже и для Вандей нет уголка. Не Курская же губерния со своими правыми? Несчастный Монарх, мне Его до смерти жалко, но... Царь очень плох... Я лично, признаюсь, потерял всякую веру в спасение". В письме Б. В. Никольскому от 14 января 1913 г. Тихомиров язвительно замечает: "Ругали Вы Столыпина, говорили, что препятствует устроению России. Что же у вас там устроили без него? Пора бы покаяться перед покойным". В разгар Первой мировой в дневнике Тихомирова опять появляется имя покойного премьера: "Нет Столыпина! Конечно, и Столыпин жаловался, что при полной невозможности влиять на Военное и Морское министерство и при недоступности иностранной политики — нельзя ему быть хорошим председателем. Но думаю, что фактически он бы все-таки кое-что мог сделать теперь".

В 1913 году Тихомиров опубликовал в "Московских ведомостях" несколько статей, посвященных "делу Бейлиса". Посылая одну из таких статей Б. В. Никольскому, он предлагал: "... я бы весьма желал, чтобы Вы обратили на этот вопрос внимание Министра Юстиции. Самому не хочется писать ему. Я представляю, что если бы был образован для этого особый комитет, то Вы бы должны были быть его членом. Возможно, что годился бы Чаплинский. Конечно, следовало бы вызвать Пранайтиса, может быть Скворцова, который умеет расследовать. Без сомнения должен быть Замысловский". Рекомендация В. М. Скворцова, бывшего редактором правого "Колокола", наряду с другими лицами в комиссию по расследованию "дела Бейлиса" вполне согласовывалась с тем, что Тихомиров писал в газетных статьях о возможности существования некой "секты", которая может быть причастна к неким "ритуальным зверствам". Как и ряд других монархистов, Тихомиров делал упор на том, что хотя суд и признал М. Бейлиса невиновным в ритуальном убийстве, но в то же время суд признал "доказанность убийства со всеми признаками ритуальности". Это был один из последних периодов публицистической активности Тихомирова.

Многолетние попытки стать "духовным отцом" монархического движения не увенчались успехом. Тихомиров отходит от публицистической деятельности и переезжает в Сергиев Посад. В 1913 г. он начинает вести работу над вторым по значению, после "Монархической государственности", трудом своей жизни. Новая книга носила название "Религиозно-философские основы истории". Она была опубликована в 1997 г., без положенных в таких случаях ссылок на ГАРФ, и впоследствии неоднократно переиздана. Работа над этим трудом продолжалась в течение пяти лет. Попутно на квартире религиозного писателя и редактора "Религиозно-философской библиотеки" М. А. Новоселова Тихомиров прочел ряд докладов, соответствующих главам книги: "О гностицизме", "О философии Каббалы", "О магометанском мистицизме" и др. На религиозной почве происходит сближение Тихомирова с религиозным писателем М. В. Лодыженским, автором "Мистической трилогии". В 1915 г. Тихомиров обращается к нему с письмами, в которых пытается дать своему личному религиозному опыту осмысление в форме "различных категорий бытия".

Текущие события на фронте не внушали оптимизма. 10 февраля 1915 г. Тихомиров записал в дневнике: "Да, видно, не судьба нам иметь с таким правительством ничего, кроме позора, проигрыша всех интересов России, — и, вероятно, революций, от которых, конечно, ни на грош пользы не прибавится. Какая злополучная эпоха. И какое неумение находить людей. Сухомлиновы, Григоровичи и Сазоновы — прямо пиковые карты. А возглавление? Полуживой Горемыкин".

Глубоко в душе Тихомиров мечтал о семейном уюте и спокойствии. 17 мая 1895 г. он записал: "Я мечтал основать семью — чистую, крепкую, и больше ничего не хотел. Хочу денег, но немного, только для обеспечения, только для независимости семьи. И вот, хоть перервись, — ничего нет". Сравнивая судьбу своего друга, видного философа К. Н. Леонтьева, со своей судьбой, Тихомиров пришел к выводу: "Ему полагаются только одно: душу спасать. А мне — семью растить. И дальше — ни шагу!". Но тихая семейная жизнь была несовместима с деятельностью Тихомирова. Привыкнув за годы революционной деятельности и эмиграции к беспокойной жизни и неустроенности, Тихомиров, даже обретя службу, постоянное место жительства, так

и не смог сделать уютной огромную квартиру на Петровке, выделенную ему как редактору правительственной газеты. Там “редко кто собирался, а когда собирались... было всегда скучно” Отрешенный от обыденной жизни Тихомиров даже внешне производил впечатление человека не от мира сего. “Конечно, — отмечал Сергей Фудель, — Лев Александрович боролся непреклонно и страстно в книгах, статьях и выступлениях за тепло в “мире, за сохранение этого уходящего из мира тепла, но не знал, что надо начинать с борьбы за тепло в собственном доме... Он воевал за... христианскую государственность и свою жизнь воспринимал как жизнь в окопах этой войны”.

На “фронте” борьбы за христианскую государственность тоже не все было благополучно. 21 декабря 1905 года он писал А. С. Суворину: “Во всем более всего виновато правительство... Только полным незнанием, бездействием и трусостью властей объяснимо самое возникновение революции... наше правительство показало себя во всем бессилии гнилости. Нечто невообразимое и невозможное. С таким государством невозможно жить”. Видя вокруг себя непонимание, Тихомиров начал писать, обращаясь не столько к непонятливым современникам, сколько к потомкам, надеясь, что его работы когда-нибудь найдут настоящего читателя. Эта надежда прежде всего относилась к его фундаментальному исследованию “Монархическая государственность”: “Боюсь, что все это академический труд. Наша Монархия так разрыхлилась, что Господь один знает, каковы ее судьбы... Главное — в обществе подорвана ее идея, да и самого общества-то нет. Все съел чиновник... Мое сочинение, может быть, могло бы послужить будущей монархической реставрации. Но для настоящего оно бесполезно. Ни очами не смотря, ни ушами не слушаю”.

В своем духовном завещании от 23 января 1916 года Тихомиров, сумевший к тому времени скопить небольшое состояние, подробно распорядился своим имуществом. Казалось, что всю жизнь сетовавший на нужду Тихомиров мог вздохнуть свободно. Но революция моментально разорила бывшего редактора “Московских ведомостей”, опять поставив его семью на грань выживания. Все, что было нажито тяжелым трудом и постоянной поденной работой, обращалось в прах.

В начале марта 1917 г. газета “Утро России” сообщила о том, что 8 марта Л. А. Тихомиров сам явился в милицию и дал подписку: “Я, нижеподписавшийся Лев Александрович Тихомиров, даю сию подписку в том, что Новое Правительство я признаю, и все распоряжения оно исполню и во всем ему буду повиноваться”.

К сожалению, дневники Тихомирова, относящиеся к периоду Октябрьской революции, в ГАРФ отсутствуют, и трудно судить, как именно оценил Тихомиров свершившиеся события. Последняя запись в дневнике была сделана 16 октября 1917 г.

Представляется интересным анализ жизни Тихомирова накануне и после Октябрьской революции, который выполнил на основе дневниковых записей и ряда других документов Харуки Вада. Известный японский ученый выделил пессимистическое начало, присущее мировоззрению Тихомирова, приведя из дневника соответствующие отрывки. Вместе с тем никак нельзя согласиться с высказанным исследователем предположением, согласно которому Тихомиров “полагал, что монархию могло бы спасти убийство Николая II”.

Что касается отношения Тихомирова к советской власти, то оно не было однозначным. С одной стороны, Харуки Вада верно отметил, что “Октябрьская революция, в задачу которой очевидно входило установление твердой революционной диктатуры, должна была, по представлениям Тихомирова, осуществить давно лелеемую им мечту о сильной государственной власти”. С другой стороны, анализ последних эсхатологических работ Л. А. Тихомирова показывает, что в будущем он видел только новые жесточайшие испытания: “мир переходит к последнему своему периоду среди страшного революционного переворота, который, очевидно, изменяет самые основы государственной власти”.

Незадолго до смерти Тихомиров, всегда трепетно относившийся к своим записям, пишет письмо председателю Ученой коллегии Румянцевского музея: “Покорнейше прошу Вас принять на хранение в Румянцевском музее прилагаемые при сем двадцать семь переплетенных тетрадей моих дневников и записок...”. Условия передачи дневников и рукописей следующие: при жизни Тихомирова право пользоваться этими рукописями оставалось только за самим Львом Александровичем, в течение 10 лет после его смерти — за

членами семьи Тихомирова. Через 10 лет после смерти Тихомирова рукописи "поступают в распоряжение Румянцевского музея на общих основаниях". Просьба бывшего народолюбца была исполнена.

К тому времени Тихомиров уже целиком погрузился в проблемы религиозного характера, завершив исследование "Религиозно-философские основы истории" и написав повесть "В последние дни". С. И. Фудель, сын друга Тихомирова, Иосифа Фуделя, выразительно описал ту атмосферу, которая царил в доме во время чтения этой повести: "Мы сидели в столовой, угощением были какие-то не очень сдобные лепешки и суррогатный чай без сахара. Лев Александрович почему-то пил его с солью. Керосина тоже не было... и горели две маленькие самодельные коптилки, освещаая на столе больше всего рукопись. Апокалипсис был не только в повести... но уже и в комнате". Работа "В последние дни" посвящена Екатерине Дмитриевне Тихомировой. Ее начало датировано 18 ноября 1919 г., а окончание — 28 января 1920 г. (по старому стилю). Повесть впервые увидела свет только в 1999 году. По своей направленности она перекликается с работой Тихомирова "Религиозно-философские основы истории", однако мистическая повесть "В последние дни" не является чисто философским произведением, поскольку в ней действуют выдуманные Тихомировым герои.

Все эти религиозные работы писались без какой-либо надежды на публикацию, "для вечности", а в реальной жизни нужно было как-то существовать и кормить семью. В 1922 году Тихомиров смог зарегистрироваться в Комиссии по улучшению быта ученых. Интересен в этой связи заполненный им в мае 1922 года опросный лист, хранящийся в ГАРФ. Называя места своей научной работы, Тихомиров помимо прочего перечислял: библиографический отдел Главного управления по делам печати в 1905—1909 гг., библиографические и статистические работы по составлению и изданию "Книжной летописи"; членство в Совете Главного управления по делам печати; литератор, сотрудничавший в журналах "Слово", "Дело", "Отечественные записки", "Русское обозрение", газетах "Новое время", "Санкт-Петербургские ведомости", "Московские ведомости", "Россия", "Русское слово" и др. В обязательном списке научных трудов были указаны и весьма двусмысленные для 1922 года публикации: "Борьба века", "Социальные миражи современности", "Альтруизм и христианская любовь", "Земля и фабрика" и др. Получалось, что советская власть должна содержать человека, который долгие годы пропагандировал православие, самодержавие и народность. В ответном письме от 4 июля 1922 г. секретаря московского отделения комиссии Тихомирову сообщалось, что он зарегистрирован по 3-й категории (история литературы, языковедение, библиотекведение). Ему выделялись определенная денежная сумма и паек — 1 пуд 12 фунтов муки, 16 фунтов гороха, 10 фунтов риса, 6 фунтов масла, 30 фунтов мяса, $\frac{3}{4}$ фунта чая, 4 фунта сахара, 3 фунта соли.

Помимо работы над религиозными трудами другой заботой Тихомирова на склоне лет стало написание воспоминаний. Многие из запланированных автором очерков так и не были написаны, но даже то, что было создано, свидетельствует об огромном желании Тихомирова поделиться с новыми поколениями опытом своей непростой судьбы. На 23 сентября 1918 г. подготовленный список тем составлял 80 наименований! А. Д. Михайлов, С. Л. Перовская, С. Н. Халтурин, К. Н. Леонтьев, П. Е. Астафьев, Вл. С. Соловьев — все они стали "теньями прошлого". Воспоминания отличаются необычной мягкостью тона, как по отношению к соратникам по монархическому лагерю, так и по отношению к бывшим друзьям-революционерам. Эти воспоминания, объединенные под общим названием "Тени прошлого", были полностью изданы только через 77 лет после смерти Тихомирова, который скончался в Сергиевом Посаде в начале октября 1923 г.

Читателям "Нашего современника" предлагаются наиболее интересные фрагменты из дневника Тихомирова за период 1915—1917 гг. Расшифрованные или вставленные от составителя слогги, недостающие по смыслу слова заключены в квадратные скобки. Сокращения, предпринятые публикатором, отмечены в тексте квадратными скобками с отточием [...]. Устаревшая орфография заменена на современную, явные опечатки исправлены без оговорок. По возможности сохранены сделанные Тихомировым выделения слов, языковые и стилистические особенности оригинала. В настоящее время нами готовится публикация полного текста дневника за период 1915—1917 гг.

ИЗ ДНЕВНИКОВ 1915—1917 гг.

1915

[...]

24 янв[аря]

Все время сижу дома, хотя, впрочем, работаю. Работа идет плохо: все больше вставки, да поправки раньше сделанного, а путь вперед не пробивается. Вообще серо все кругом. Трудно привыкнуть к тому, что жизнь кончена.

О. Павел Флоренский¹ завтра уезжает на театр военных действий, священником санитарного поезда, в котором едет церковь-вагон. Хорошо делает. У молодых на все хватает силы.

Назначено у меня на Масленой два чтения, в среду в обществе "За Россию", в пятницу у Новоселова². Уж не знаю, что из этого выйдет. Чтения-то готовы у меня, да что скажет здоровье. У меня правильнее было бы говорить не "здоровье", а "болезнь".

Вчера у нас было событие: гости! О. Фудель³ с женой, да Георгиевские. Явление еще небывалое. По одному человеку еще бывало, а трое сразу — нечто необычайное.

[...]

2 февраля

Начало Великого Поста, а я что-то расстроился здоровьем.

Был у меня Г. А. Шечков⁴. Он из Думы — едет домой. А перед Думой возил из Курска семь вагонов подарков для полков Курской губернии в армию Радко-Дмитриева⁵. Доходил до самых окопов. Рассказывал много интересного, хорошего.

Что касается общего политического положения, то оно весьма скверное. Оказывается, что Италия и Румыния не нынче-завтра присоединятся к Германии и Австрии. Сазоновская кухня нехорошо готовит блюда.

Если только это произойдет, то мы будем, по моему мнению, биты, да еще как! По словам Шечкова, план Вильгельма состоит в том, чтобы уничтожить русских до того, пока англичане успеют собрать войско, и тогда наброситься на Западный фронт. Если к тому времени выступят активно Италия и Румыния, то уж не знаю, чего и ожидать, кроме полного разгрома?

Дело все в том, что немцы не только патриоты и великолепно подготовлены, а еще важнее — умны. А у нас — такая ничтожность, как Сазонов⁶. Вильгельм у него из-под носа вырвал Турцию, а теперь вырвет еще Италию с Румынией.

Между прочем, скверно то, что немцы берут наших в плен больше, чем мы у них. На австрийском фронте этого нет. У нас пленных австрийцев около 800 000, а наших у них почти нет. Но немцев пленных у нас 120 000, наших же у них чуть не 140 000. Это скверный признак. Вообще, по мне, положение далеко не розовое.

[...]

14 февраля

Вчера и сегодня делал выписки из книги Орлова "История сношений человека с дьяволом"⁷. Наиболее обратила мое внимание часть, составленная на основании книги Bataille* "Le Diable au XIX siecle"⁸. Очень поразительные

* Батайля.

** "Дьявол в XIX столетии" (франц.).

вещи рассказывает о сатанизме в масонстве. Вопрос — правда ли? Кто такой Bataille? Спрашивал Быкова... У него самые смутные воспоминания. Говорил, что, кажется, это псевдоним. Теперь, по случаю войны, трудно и узнать. Все на войне. [...]

Слышал, что командовал 10-й армией Сиверс⁸, балтийский немец. Раньше командовал Эверт⁹ — православный и русский, но говорят, перевели куда-то и назначили Сиверса, который немедленно и укомплектовал армию.

Рузский¹⁰ болен. Какая-то болезнь горла, и уже, кажется, недели две. Как раз в это время и разгромлена X армия. Что это за манера назначать балтийцев? Что-то великому князю¹¹ начинает изменять глазомер или счастье. Я все менее начинаю верить в добрый исход войны. У нас государственные люди очень плохи, очень плохи. С плохой подготовкой политики — не поможет войско.

Нет Столыпина! Конечно, и Столыпин жаловался, что при полной невозможности влиять на Военное и Морское министерство и при недоступности иностранной политики нельзя ему быть хорошим председателем. Но думаю, что фактически он бы все-таки кое-что мог сделать теперь.

[...]

28 февраля

Князь Ширинский¹² разговаривал по телефону. Ничего, впрочем, интересного. Только выработывает записку — наши desiderata* в Палестине. Представит Сазонову, чтобы не могли отговориться незнанием потребностей православия при соглашениях с нашими дрянными союзниками.

[...]

9 марта

Известие еще лучше: сдался Перемышль, с 48 000 гарнизона. Вывесили флаги. Факт крупнейшей важности. Теперь, пожалуй, возможно движение на Краков, а это отразится и на всем Польско-Прусском фронте. Теперь впервые можно считать Галицию завоеванной. Перемышль — крепость первоклассная, и в наших руках прикроет Львов и всю Галицию.

Но вот мерзкие рассказы: о немецких шпионах. Говорят, генерал По¹³ приехал специально для сообщения французских сведений о ряде крупных и даже "высокопоставленных" изменников, передающих все наши секреты немцам. В том числе называл будто бы и в[еликую] к[нягиню] Марию Павловну¹⁴. Говорят, несколько человек уже казнены. Не понимаю, почему Правительство не публикует хоть о смертных казнях. Это бы успокаивало общественно[е] мнение.

[...]

26 марта

Вчера был у Васнецова¹⁵. Не скажу, чтобы его картины меня особенно поразили. Куликовская битва — момент нападения из засады — страшная каша дерущихся. Не разберешь, реально или нет. Битва Пересвета с Челубеем совсем была бы хороша, но задние ноги коня Пересвета странно поставлены... Конечно, все-таки хорошо, но от Васнецова ждешь больше.

Слышал разную болтовню публики на тему об изменниках. Говорят, что Витте¹⁶ причастен к этому делу, и отравился. Его Матильда¹⁷ будто бы даже привлечена к дознанию. Объясняют их измену тем, что у них миллионы денег в Германии и могут быть конфискованы. Это еще куда ни шло: Витте всегда возбуждал недоверие публики. Но совсем уже дико — будто бы и жена Сухомлинова замешана, и что будто бы по этому случаю он получил отставку. Это большое горе, что немецкое шпионство так удачно. Кроме непосредственного вреда оно рождает атмосферу подозрений, что так опасно в военное время.

Но зато истинно необычной популярностью и доверием окружен Вел[икий] [Князь] Николай Николаевич. Всюду — не только в обществе, но и на улице — его имя вызывает на каждом лице выражение какого-то восторга. Он стал народным героем, о нем целые легенды, в которых он всегда является

* Желания (франц.).

столпом справедливости, грозой неправды. На моем веку не было еще такого народного героя. Если он разобьет в конце концов немцев — он будет прямо идиолом народа.

Для России и для государя императора появление такого человека — большое счастье, тем больше, что, по общим слухам, великий князь глубоко предан государю и любит его.

[...]

3 июня

До сих пор не принимался за работу. Вообще я чувствую какую-то пассивность. Строго общественной деятельности я уже даже не хочу. Она во мне возбуждает какое-то отвращение. Этот подлый суд порвал у меня нравственную связь с официальной Россией: он как-то является ее символом. Не могу отделаться от этого чувства. Что касается общества, то у меня не заготовлено было связей для деятельности в его рядах.

Судьбы России меня живо интересуют, я за ними слежу, думаю о них, болею и радуюсь ими. Но работать для них у меня нет способов, и я остаюсь в положении наблюдателя.

Должно сказать, что понять эволюцию России очень трудно. В ней идут процессы сложные, неясные. Партийные люди их оценивают по своей мерке. Я же и умом и сердцем стою вне партий, и меня привлекает лишь мысль о всенародной сущности. И вот эта совокупность процессов, в России совершающихся, сложна до таинственности.

Жива ли в народе религиозная вера? Живет ли в его сердце царский принцип? Каковы чувства междусословные? Развивается ли принцип народного представительства? В каком направлении складывается идея справедливости, права, долга? На все можно видеть разноречивые ответы. Какова равнодействующая линия этих ответов — невозможно рассмотреть.

Ясно, очень ясно одно: что тот или иной исход войны будет иметь решающее значение. Победа или поражение? Это двинет страну по двум совершенно разным направлениям. А между тем трудно мне представить исход войны. Германия обнаруживает громадный запас ресурсов и действует как один человек. А союзники разрознены. Их силы действуют недружно, и все-таки каждый себе на уме. На Россию немцы наваливают все силы, как будто на западе им ровно ничего не угрожает. Вот выступила Италия, и это не заставило Австрию и Германию не только ослабить натиск на нас, но даже не уменьшило непрерывного увеличения своего натиска на Россию. Что же может выйти при таких условиях?

А мы, то есть Россия, вдобавок переполнены немцами в правительственных сферах, в армии, во всех функциях страны. Кто из этих немцев не изменник, если не явный, то в глубине души? На этот вопрос трудно ответить.

В довершение всего — нет центра народного единения. Государя любят и жалеют — это факт. Именно жалеют, то есть хотели бы все ему помочь. Но мысль о нем как о человеке, способном помочь России, кажется, почти исчезла. Его слабость представляется, быть может, даже в преувеличенном виде. Теперь создали себе идола в Николае Николаевиче, и на него смотрят как на центр народа. Но он все-таки не царь, и всякий понимает, что в общем ходе дел России он не имеет решающего голоса. И вот — у нас нет того, что есть у немцев. У них Вильгельм — центр, ясный и бесспорный. У нас такого центра в сознании народа нет. А между тем — война ведется, в сущности, только нами, Россией. Из остальных одна Англия кое-что делает. Остальные — ничего. Бельгия не существует, Франция воует только для соблюдения аррагенсе*. Италия в лучшем случае займет Триест [...]. Говорить о маленькой истощенной Сербии не приходится. Япония ровно ничего не делает. Германия же единовластно объединяет силы свои, австрийские и турецкие. В сущности, ее должно признать при таких условиях более сильной стороной, и ей страшна только Россия. Вот и валится вся страшная тяжесть на нас одних.

Как тут предвидеть исход войны? Если мы дрогнем — победа Германии несомненна. Наши же «союзники», по-видимому, мало этим озабочены. Одна Англия чувствует свою судьбу связанной с судьбой России. Франция

* Видимости (франц.).

и Италия, вероятно, имеют такую мысль, что возможно поладить с Германией и сохранить свои "интересы" за счет интересов Австрии и России. Германия и Австрия отдадут желаемые Францией и Италией куски, если будут иметь "компенсации" за счет России. Вот эта кошмарная мысль давит меня.

1 августа

[...] Мы, конечно, не знаем ресурсов Германии. Нельзя решить, насколько она способна развивать напряжение сил. Но слабость наших сил видна как на ладони. Мы не только отступаем, но нельзя, по мне, даже надеяться на движение вперед... если только Германия не истекает кровью. Но и этого не видно. Из нынешних известий видно, что Новогеоргиевск обложен со всех сторон, отрезан от армий. Немцы сейчас уже перед Брест-Литовском. Это последняя крепость на их пути в глубь России. Придется скоро Главному Командованию уходить из Барановичей, если еще не ушли отсюда.

Сегодня кричат о нескольких казнях изменников, все какая-то дрянь и мелочь. Все пустяки — жертва, брошенная "общественному мнению". Конечно, этих негодяев нужно казнить, но толку из этого немного. Нам надо иметь тысячи две-три новых орудий со снарядами, а не трупы предателей. Этой сволочи, наверное, у нас числится не одна тысяча. Жену казненного Мясоедова сослали в Сибирь. Ну а ее приятельница, г-жа Сухомлинова? Впрочем, повторяю, все это вздор. Нам нужны снаряды и вооружение. Остальное не поможет!

Наши отступления создали еще новое бедствие: сотни тысяч разоренных, голодных, истощенных беженцев. Их насчитывают 600 000, и число их растет. Ужасно! А теперь еще вопрос — сколько немецких шпионов идет к нам в толпах этих несчастных? Между ними масса евреев и немецких колонистов. Всю эту гниль и плесень распространяют по всей России. А что станешь делать?

Положение вообще отвратительное. Власть, чувствуя свою сомпрометированность, сдается на капитуляцию "обществу", то есть либеральным элементам. Что они окажутся не хуже "охранителей твердой власти" — это более чем вероятно. Но какво перестраивать все управление страны под напором немецких армий? Ведь каждый начальник в течение минимум нескольких месяцев ничего не понимает. А в течение нескольких месяцев неприятель может взять и Москву, и Петроград со всеми "обновленными" деятелями.

Вообще — все скверно, одно огорчение.

Одна надежда: не ослабли ли немцы?

Только это и может спасти положение.

[...]

7 августа

Ковно взято немцами. Участь гарнизона не сообщается. Новогеоргиевск уже наполовину взят, вероятно, завтра будет известие о сдаче. Мы рассыпаемся с поразительной быстротой.

Не правительство, а черт знает что. Официозные известия утешают, будто Ковно был "устарелой крепостью". Раньше ее называли "первоклассной крепостью". Но если бы она и была "устарелой", то как эти люди могли допустить, что в течение года войны она не была поставлена на высоту современных требований? Сами себе подписывают осуждение.

11 июля взят Львов; потребовалось 43 дня, чтобы нас выгнали из Варшавы. После этого через 2 недели взято Ковно. Итого в 2 месяца (57 дней) произошел такой переворот, после которого можно ждать движения на Вильно и, м. б., Смоленск и Москву. До осени и зимы остается еще 2—3 месяца. Сумеют ли наши войска сопротивляться еще два месяца? Сила сопротивления их, видимо, очень ослабла.

Теперь серьезно приходится думать — что мне делать лично с семьей, если немцы подойдут к Москве? Придумать, однако, что-нибудь трудно. Тихон¹⁸ тоже думает, что возможно взятие Новгорода. Ну, он человек казенный, и их куда-нибудь ткнут. А вот нам, частным лицам, — "куда бечь"? [...]

Что же будет дальше? Мы как были без снарядов, так и останемся без них, ибо наших средств их производить не хватает даже на пополнение истраченного. Но мы сверх того стали деморализованы и дезорганизованы.

Правительство растеряно. В народе исчезло всякое к нему доверие, что хотя и справедливо, но в высшей степени вредно для нас, отнимая у нас самую возможность стать сильными... Что же выйдет? Перед нами какая-то черная пропасть, и ничто не может нас спасти, если только Германия не рухнет сама, внутри себя. Если бы Германии передалась хоть часть того безумия, которое охватывает нас, то еще возможно спасение. Но что мы знаем о внутреннем состоянии Германии? Ничего. Вот должен собраться их рейхстаг... Не обнаружит ли он и у немцев разлада между властью и народом? Это давало бы луч спасения и в непроглядный мрак нашей гибели.

[...]

6 сентября

Сегодня служили (в Красном Кресте) панихиду по Столыпину. Собственно, день его кончины 5 сентября, но вчера неудобно было служить.

Вечером приходил некий Онуфрий Федорович, кажется, Антончук*, начальник Калишской учительской семинарии, эвакуированной в Сергиев Посад. Он просил приютить беженцев из Гродненской губернии, семь душ: две женщины, 5 детей, это две семьи, соединенные общим бедствием. Они тут ютятся на вокзале в толпе других таких несчастных. Я, конечно, даю им помещение, но дрова берется доставлять сам Антосюк.

Военные известия еще хуже: немцы [...] нападают на Вильну. Совершенно ясно, что они ее возьмут... может быть, уже взяли. А наши армии разрезаны. Немцы не боятся быть захвачены в клещи, и, конечно, не будут захвачены. Наши армии будут отступать, и еще слава Богу, если в порядке и медленно. Несчастливая Россия! Погибшая страна.

(Окончание следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Флоренский Павел Александрович** (1882–1937) – религиозный философ, математик, искусствовед, православный священник.

² **Новоселов Михаил Александрович** (1864–1938) – духовный писатель, издатель и публицист.

³ **Фудель Иосиф Иванович** (1864/5–1918) – протоиерей, рукоположен (1889) по благословению преп. Амвросия Оптинского. С 1892 г. служил в Москве.

⁴ **Щечков Георгий Алексеевич** (1856–1920) – публицист, член Государственной Думы 3-го и 4-го созывов. Член Союза русского народа. В начале 1917 г. намечался кандидатом в члены Совета съездов монархических организаций.

⁵ **Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич** (настоящие имя и фамилия – **Радко Русков Дмитриев**) (1859–1918). В 1884 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В 1884–1887 гг. служил в болгарской армии, а с 1887 г. в русской. В 1888 г. – принял русское подданство. С октября 1913-го – чрезвычайный посол Болгарии в России. 26.07.1914 г. вновь поступил на службу в русскую армию. С 3.09.1914 г. – командующий 3-й армией, с 20.03.1916 г. – 12-й армией. Генерал-лейтенант (1914).

⁶ **Сазонов Сергей Дмитриевич** (1860–1927). В 1909–1910 г. – товарищ министра иностранных дел. С ноября 1910 г. до июля 1916 г. – министр иностранных дел. В 1917 г. – посол Временного правительства в Великобритании. После Октябрьской революции был министром иностранных дел у А. В. Колчака, член Особого совещания у А. И. Деникина. С 1920 г. в эмиграции.

⁷ **Орлов М. А.** История сношений человека с дьяволом /Иллюстрированное приложение к «Вестнику иностранной литературы» 1904 г. СПб., 1904 (репринтное переиздание – М., 1992).

* Антосюк. – Прим. авт.

⁸ **Сиверс Фаддей Васильевич** (1853—1915). Генерал-лейтенант. В Первую мировую войну командовал 10-й армией. После ее поражения в феврале 1915 г. был отстранен от командования и 15.04.1915 г. уволен в отставку.

⁹ **Эверт Алексей Ермолаевич** (1857—1918 или 1926). Генерал-адъютант, генерал от инфантерии (1911). С 1912 г. командующий войсками Иркутского военного округа и наказной атаман Забайкальского казачьего войска. В Первую мировую войну — командующий 10-й армией (с 11.8.1914) и 4-й армией (с 22.8.1915), главнокомандующий армиями Западного фронта (с 20.8.1915). Как военачальник проявил чрезмерную осторожность и нерешительность. 22.3.1917 г. уволен в отставку.

¹⁰ **Русский Николай Владимирович** (1854—1918). В июле 1914 г. назначен командующим 3-й армией, в сентябре 1914 г. — главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. Генерал-адъютант (1914). С 1915 г. — член Военного совета Военного министерства. С августа 1915 по апрель 1917 г. главнокомандующий армиями Северного фронта. Уволен со службы по болезни. В сентябре 1918 г. попал в число заложников, взятых Красной Армией, и был расстрелян.

¹¹ **Николай Николаевич Романов** (1856—1929) — великий князь, дядя Николая II.

¹² **Ширинский-Шихматов Алексей Алексеевич** (1862—1930) — князь, государственный, общественно-политический и церковный деятель, публицист.

¹³ **По Поль-Жеральд-Мари-Сезар** (1848—1932), французский дивизионный генерал, состоял на военно-дипломатической работе, возглавлял французскую военную миссию в России.

¹⁴ **Мария Павловна** (урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская) (1854—1920) — жена великого князя Владимира Александровича, сына императора Александра II.

¹⁵ **Васнецов Виктор Михайлович** (1848—1926) — русский художник.

¹⁶ **Витте Сергей Юльевич** (1849—1915). Государственный деятель, с августа 1892 г. — министр финансов. Провел ряд экономических преобразований. Ввел винную монополию (1894), осуществил денежную реформу (1897). С августа 1903 г. по 1905 г. председатель Кабинета министров. Подписал Портсмутский мирный договор с Японией (1905). Был удостоен графского титула. Один из авторов Манифеста 17 октября 1905 г. Первый председатель Совета министров (октябрь 1905 — апрель 1906).

¹⁷ **Витте Матильда Ивановна** (1863 — не ранее 1920), урожденная Нурок — графиня, по первому браку Лисаневич, вторая жена С. Ю. Витте.

¹⁸ **Тихомиров Александр Львович** (1882—1955) — иеромонах Тихон (1907), сын Л. А. Тихомирова, архимандрит (впоследствии епископ), ректор Новгородской духовной семинарии (1913), викарий Новгородской епархии, епископ Череповецкий (1920), Кирилловский (1924); провел три года в лагерях, работая на лесозаготовках (1927—1930); вернулся инвалидом; жил в Загорске, затем в Ярославле.